

О РАЗБОЕ В ТОРГОВОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В XVII в.

Преступность в России и, в частности, разбойничество, являлись неисчислимым злом на протяжении всей ее истории и спутником жизни социума, несмотря на усилия государства по его ликвидации. Разбой — это открытый насильственный грабеж чужой собственности с применением членовредительства и даже убийства, совершаемый вооруженными лицами.

Разбой и татьба с древнейших времен существования человеческого общества считались крупнейшими уголовными преступлениями, так как они наносили ощутимый ущерб праву собственности.

По важнейшему юридическому кодексу феодальной России — Соборному уложению 1649 г. — различалось разбойное нападение на жилище (поселение) и нападение с целью ограбления в пути (на дороге)¹.

Разбой подразумевал насилие над личностью группой преступников с использованием оружия с целью изъятия имущества жертвы: денег, драгоценностей, товара, лошадей и т. д. При сопротивлении насилию жертву калечили или убивали и бросали на дороге или при поселении, а награбленное добро преступники забирали с собой.

Практически разбой чаще всего был дорожный (сухопутный и водный), так как в поселениях дворы охраняли сторожевые собаки, поблизости находились соседи и ограбление жилища всегда вызывало погоню (гонение по следу), что обычно кончалось поимкой преступников (Соборное уложение, гл. XXI, ст. 59, 60).

Разбой карался гораздо строже татьбы. Например, когда тать винился в двух случаях кражи без убийства, его после пытки били кнутом, отрезали у него правое ухо и сажали в тюрьму на четыре года, после чего отсылали в «украинные города» (гл. XXI, ст. 10). Разбойника же, повинившегося в двух разбоях без убийства, за другой разбой казнили смертью (гл. XXI, ст. 17).

Интересно, что в Средние века насильственное завладение чужим имуществом (разбой) рассматривалось как менее опасное деяние, чем татьба (кража). Это объяснялось тем, что если открытое насильственное завладение чужим имуществом (особенно у иностранцев) считалось проявлением дозволенной отваги и мужества, то его тайное похищение, наоборот, говорило о коварности и низости (подлости) вора².

Законодательство Соборного уложения 1649 г. о разбойниках и указы первой половины XVII в. об уголовных преступлениях опирались на жесткие нормы Судебника 1550 г. и Уставной книги Разбойного приказа 1555–1556 гг., по которой разбойника, сознавшегося в преступлении, надлежало казнить, а не признавшегося следовало заточить в тюрьму до его смерти, то есть пожизненно³.

Возникновение Разбойного приказа исследователи относят к 30-м гг. XVII в.⁴ Приказ занимался разбойными делами по территории всей России, а в Москве этими делами ведал Земский приказ. С этого же времени дьяки Разбойного приказа собирали указы и приговоры Боярской думы относительно

наказаний разбойников, которые оформились в Уставную книгу Разбойного приказа середины XVII в.

Некоторые исследователи полагают, что Разбойному приказу предшествовала комиссия бояр, «которым розбойные дела приказаны», датируя создание этой комиссии 1539 г.⁵

Разбойный приказ был государственным органом, который совмещал функции уголовного суда высшей инстанции и осуществлял розыск, дознание и следствие. В нем проводились разбирательства о татьбе и разбое в случаях, когда преступники были пойманы с поличным, а также с лицами, которых при повальном обыске называли «лихими людьми» — разбойниками, пристанодержателями и хранителями награбленной добычи.

Создание правительством царя Ивана IV губных учреждений на местах, возглавляемых выборными дворянами — губными старостами, работающими под контролем и по приказам Разрядного приказа, повысило эффективность борьбы с разбоями.

За годы кровавых событий Смутного времени начала XVII в. произошла морально-нравственная деградация всех слоев российского общества, которая в отношении между людьми выражалась агрессивным поведением, насильственными действиями, алчностью и жестокостью. Следствием такого состояния в послесмутное время являлись повсеместные разбои, грабежи и убийства. В ответ на это правительство в первой половине XVII в. принимает жесткие законодательные акты, нормы которых впоследствии были четко сконцентрированы в Соборном уложении 1649 г. В отношении наказания разбойников особо непримиримую позицию Уложение занимало к разбойникам-рецидивистам, которых, как уже отмечалось, за второй разбой предавали смертной казни (гл. XXI, ст. 17).

Опасность рецидивистов-разбойников — «ведомых лихих людей» заключалась в том, что они регулярно «разбивали» днем и ночью на больших и малых сухопутных и водных дорогах страны обозы и судна с правительственными и частными грузами (товарами), нередко убивая и калеча сопровождающих грузы людей, нарушая ритм и налаженность экономической жизни местного населения и держа его в постоянном страхе, а также в том, что «лихие люди» привлекали к преступным действиям новые кадры уголовников из молодежи и неустойчивых элементов.

Рецидивистами становились преступники, осужденные за первый разбой и бежавшие из провинциальных тюрем ввиду их ветхости и по причине халатности губных целовальников и сторожей, а также бежавшие из «украинных городов» преступники, отсидевшие свой тюремный срок и отправленные в ссылку. Как правило, таких людей не привлекал честный, но тяжелый труд пахаря или ремесленника, и они возвращались на стезю криминала.

Естественно, что основную борьбу с разбойниками-рецидивистами вели Разбойный приказ и губные учреждения, а где их не было — воеводы со своим административным аппаратом. Губным старостам и воеводам в розыске и поимке разбойников помогали выборные мирские административно-полицейские

должностные лица: сотские, пятидесятские и десятские, которые обеспечивали соблюдение правопорядка в городе и волостях уезда.

Укажем, что в состав шаек разбойников «лихих людей» входило до 15 и более человек в каждую шайку и в них были представлены не только холопы, беглые крестьяне и гулящие люди, но и приборные служилые люди: казаки, стрельцы и воротники, а также служилые люди «по отечеству» — дворяне и дети боярские. Этот факт, как отметил В. Н. Глазьев, подрывает постулат о классовой подоплеке российского разбойничества⁶.

Конечно, разбойники не могли обходиться без небескорыстной помощи отдельных людей — так называемых «подводчиков», «поноровщиков» и «становщиков». Эти помощники оповещали разбойников о маршрутах торговых обозов и экипажей дворян — потенциальной разбойничьей добычи, они же предоставляли разбойникам и татам убежища — «станы и приезды», где хранилась награбленная рухлядь. Они же имели определенные каналы сбыта разбойничьей добычи путем ее продажи или обмена.

За все такие действия «поноровщиков» и прочих помощников Уложение предусматривало наказания, аналогичные тем, которые устанавливались разбойникам, то есть вплоть до смертной казни (гл. XXI, ст. 63). За «поноровку» разбойника и татя — отпуска из тюрьмы «за посул» со стороны недельщиков и губных целовальников для последних предусматривалось наказание: на них «доправляли» истцов иск, били кнутом и «вкидывали» в тюрьму (гл. XXI, ст. 83, 84). Помещики, которые «укрывали за собой» разбойников — своих людей и крестьян, и «не отдавали их к сыску в губу», лишались своих поместий и на них «доправляли исцовы иски» (гл. XXI, ст. 79).

За укрывательство разбойника и за недонос на него в губную избу с укрывателя брали пени 10 руб., чтобы иным не повадно было так делать, а татам и разбойникам нигде пристанища не было (гл. XXI, ст. 20).

В пособничестве разбойникам могли обвинить и держать в тюрьме и выборных должностных лиц, находящихся на государственной службе в доходобразующих заведениях. Так, в 1628 г. тотемского таможенного и кабацкого голову, крестьянина Комарицкой волости Тотемского уезда Андрея Иванова сына Балакшина вместе с отцом посадили в тюрьму «по язычной взмолке» за то, что они помогали разбойникам. Отца головы пытали, но не добились признания вины, а Андрея Балакшина выпустили из тюрьмы на поруки, потому что он должен был исполнять государеву службу⁷.

Поскольку разбой как злое дело имел три признака преступления: формальную запрещенность, греховность и общественную опасность, нормы Соборного уложения были назидательными, с религиозными сентенциями.

Законодательство о разбойничестве второй половины XVII в. исходило из положений Соборного уложения 1649 г. и кардинально ничем от них не отличалось. В отдельных указах регламентировались и менялись виды телесных наказаний преступников. Так, в октябрьском указе 1653 г. «О наказании воров и разбойников» вместо смертной казни кнутом с отсечением у левой руки по персту говорилось о ссылке их в Сибирь и об учинении смертной казни за повторение тех же преступлений⁸.

Январские 1669 г. «Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах» внесли незначительные изменения в нормы Соборного уложения о наказаниях за разбой. Так, разбойник, сознавшийся, что он совершил первый разбой, подлежал наказанию кнутом, отсечению двух пальцев на левой руке и освобождался из тюрьмы на поруки. Разбойник, сознавшийся после пыток в двух разбоях, приговаривался к смертной казни, так же как и виновный в одном разбое с убийством или поджогом⁹.

Мартовский указ 1683 г. восстанавливал положение Соборного уложения относительно татей и разбойников «О резании у преступников ушей вместо отсечения пальцев»¹⁰.

В настоящей работе мы приведем примеры, демонстрирующие организацию и деятельность «ведомых лихих людей» — профессиональных разбойников, объединенных в преступные сообщества, на примере деятельности разбойничьих шаек Федора Кисляченка (Кисляка, Кислякова) и Васьки Иванова. Первая шайка действовала в основном на юге России на рубеже 30–40-х гг. и в начале 40-х гг. XVII в., занимаясь только сухопутными разбоями. О второй шайке имеются сведения в основном по волго-окским речным разбоям в районе Нижнего Новгорода в конце XVII в.

Источниками для нашего материала по делу разбойника Федора Кисляченка послужили счастливо сохранившиеся документы Разбойного приказа (отметим, что архив этого приказа не сохранился до наших дней, но его бумаги попадают среди документов других московских приказов). Они были присланы в Устюжскую четверть в качестве приложения к памяти Разбойного приказа от 31 апреля 1644 г. за приписью дьяка Марка Поздеева к дьяку Устюжской четверти Мине Грязеву¹¹.

В памяти Разбойного приказа сообщалось, что по государеву указу от 20 марта 1644 г. в тюрьмах при приказах должны оставаться только «сидельцы по государевым, татебным, разбойным и убийственным делам, и о том из приказов посылать памяти в Разбойный приказ..., а не сослався с Разбойным приказом никого государь в тюрьму сажать не велел»¹². В памяти Разбойного приказа также упоминалось, что из Устюжской четверти в Разбойный приказ прислана отписка — память о том, что «из Устюжской четверти на Москву в тюрьмах сидельцев никого нет» и сообщалось, что по государеву указу велено в Разбойном приказе боярину князю Ю. А. Сицкому, да Б. И. Пушкину, да дьяку Мине Грязеву «ведать разбойное дело Федьки Кисляка с товарищи...»¹³.

Здесь обратим внимание, что для ведения разбойного дела Кисляченка с сообщниками в помощь служащим Разбойного приказа — начальным людям, дьякам и сыщику Осипу Бакшееву (о нем упоминается в документах дела) — был, вероятно, временно подключен дьяк Устюжской четверти М. Грязев.

Приложение к памяти Разбойного приказа состояло из разбойного дела Кисляченка, в документы которого входили: 1) «роспись розбойником и оговорным людем, которые сидят в тюрьме»¹⁴; 2) «статейный список розбойников прошлого 151 (1643) года»¹⁵.

Отметим, что росписные и статейные списки являются основными источниками по истории разбойничества в России. Росписной список содержал

перечень разбойников и «оговорных людей» — их сообщников (по оговору разбойников), пойманных и посаженных в тюрьму за отрезок времени в 2–3 года, а статейный список включал перечень только преступников по статье «разбой» за определенный год. В росписях и списках кратко излагалось дело каждого разбойника с перечнем его разбоев, если их было больше одного. Статьиный список выступал как документ учета опасных преступников и как основание для вынесения судьей приговора по их делам. Характеристика этих источников представлена в исследовании А. В. Воробьева¹⁶.

К этому добавим, что в росписях и списках при изложении дела нередко приводятся речи разбойника при его допросе с пыткой. В этих допросных (пыточных) речах преступник с первой или со второй пытки (битье кнутом, сажание на огонь с обливанием водой, если он терял сознание) говорил о своих сообщниках, о награбленном («розбойном») имуществе, о дележе этого имущества между сообщниками и о других подробностях разбоев. На важность таких сведений из речей пойманных разбойников для представления практики разбойного дела указывал еще в позапрошлом веке Н. В. Калачев¹⁷.

Как выясняется из материалов рассматриваемого дела, в допросе «оговорный человек» — сын Федора Кисляченка Елизарко сказал: «отец ево Федор покинул ево с матерью в Чернавском остроге малово года с четыре и больши, и с тех мест у них не был и ничего присылывал, а от роду, де, ему, Елизарку, ныне лет с 15, а на себя и ни на кого ничево не говорил»¹⁸.

Из этих речей Елизарки можно заключить, что он был как-то связан с шайкой отца, так как кто-то из членов шайки его «оговорил», и что Федор Кисляченко самовольно оставил службу в Чернавском остроге (казачью или стрелецкую) в конце 20-х гг. XVII в. и «в бегах» занимался разбойничеством.

В статейном списке 1643 г. перечислены семь его разбоев до 8 февраля 1641 г. (а с московским февральским разбоем их насчитывалось восемь). В документе сказано: «и всего он, Федька, был на осьми разбоях, и деньги, и лошади, и платье, и всякую рухлядь на тех розбоях имали, а в убивствах и в пожогех на себя и на товарищев своих не говорил»¹⁹. Эти разбои со своими сообщниками он совершал в 1639–1640 гг. (не считая московский февральский разбой 1641 г.), но о конкретных датах этих разбоев в источнике не сообщается.

Как видим, разбойники во время разбоев не совершали убийств и поджогов, ограничиваясь только грабежом имущества из-за опасения мести родственников и друзей жертв, что затрудняло бы их разбойничий промысел вблизи мест преступлений. Из расспросных речей пойманных разбойников не явствует, что Кисляченко был вожаком (атаманом) шайки, но в силу его возраста (ему было уже за 40) и опытности в разбойном деле, он таковым и являлся. Список разбоев рассматриваемой шайки был следующим:

1) Кисляченко (Кисляк) «с товарищи отняли у ребят [детей] попа Аврама из Скопина городка у села Кольцы Рязского уезда вотчины стольника Н. И. Романова трех лошадей».

2) Ф. Кисляченко «с товарищи покрал у помещика Н. С. Левашева в деревне Помезовой Рязанского уезда клеть» и взяли из нее «животов на 43 р.».

3) Ивашка Мошнин — товарищ Кисляка по разбоям, в «респросе» сказал, что он с ним и с другими сообщниками «в Патрикеевских лесах под Чернью отняли у чернян детей боярских четырех меринов да сняли с них четыре кафтана».

4) Он же, Мошнин, сказал, что после грабежа чернян «приехали они в Коломенский уезд и розбили деревню Чернышову помещика Григорья Чернышова [разбили его двор], да в той же деревне розбили два двора крестьянских».

5) Кисляченок «на Осинковце Колодезе промеж Новосили и Ливен со своими прежними товарищи [участниками разбоя дер. Чернышовой] розбил одоевца сына боярского Ермолу Сумороцкого».

6) Он же «с товарищи розбил человека князей Петра и Ивана Пожарских» (без указания в какой местности).

7) Да они же «розбили у Николы Зараского на Теплому стану двух человек — людей боярина, князя А. Ю. Ситцкого».

Из приведенного перечня разбоев шайки Кисляченка можно установить, что почти все они совершались в южных уездах, а объектами преступлений становились представители разных сословий с преобладанием служилых людей — детей боярских и их людей, крестьян, и представителей аристократии: князей, стольников, бояр.

Однако не все разбои шайки Кисляченка были расписаны в статейном списке 1643 г. Так, из речей от 1644 г. «оговорного человека» козловского сына боярского Якова Зюзина выясняется, что Кисляченок еще «розбивал брата ево Якушкова Зарасково города сына боярского Миккулку Ускутьева тому ныне другой год (то есть разбой был в 1640 г.), а ехал, де, он тот Миккулка от него, Якушка, в Зарайской к себе...»²⁰.

Основной добычей разбойников были деньги, лошади, оружие (пищали, винтовки, сабли), одежда (кафтаны, зипуны, шубы, шапки, рубашки), драгоценности (серебряные и золотые кресты, цепочки, перстни, кольца), продовольствие и всякая «рухлядь» (конская снасть, хозяйственная утварь и т. д.). По исковым челобитным пострадавших от разбоев шайки стоимость награбленного имущества вместе с изъятыми деньгами в некоторых случаях доходила до 580 руб.²¹

Награбленную в разбоях и поделенную между собой добычу разбойники продавали задешево (как «разбойное») и за нормальную цену (как «чистое»), а также свозили к себе домой или к своим знакомым. Так, «с пытки» Кисляченок сказал: «Григорьева розбою Чернышова рухлядь, что товарищи ево взяли, и то привезли к нему, Федьке»²², а Ивашка Мошнин сказал, что награбленное на том разбое они «повезли в Козлов к сыну боярскому Якову Зюзину»²³.

Отсюда видно, что разбойники добычу от одного разбоя развозили по разным местам (где в это время обитал Кисляченок не сказано). Разбойник Васька Михайлов говорил, что «продал он Зараского города спаскому попу Андрею Иванова розбою Бутурлина мерина гнеда, а взял, де, было за того мерина 2 р. и он, де, взял у него рубль, а другого, де, рубля не взял, а продал, де, он того мерина за розбойное, да тому же, де, попу Андрею продал он, Васька, Иванова розбою Бутурлина вершок шапошной шитой женской недоделан»²⁴.

К этому нужно добавить, что средняя цена мерина в 1630 г. в Москве составляла почти 3 руб. в зависимости от породы и возраста²⁵.

Однако «оговорной» поп Андрей все это отрицал: в «роспросе» он сказал, что «розбойников Федьки Кисляченка с товарищи он, поп Андрей, не знает и ничего у них не имывал, и Иванова розбою Бутурлина мерина и вершка у них не купливал». Но на очной ставке с Васькой Михайловым поп Андрей «у пытки ж сказал, что он у Васьки Михайлова лошадь и вершок шапошной купил за розбойное»²⁶.

Три розбойника — Васька Михайлов, Федька Кисляк и Ивашка Поршень — говорили на «Зарайского города посадского человека на Матюшку Рубчонка, что им приезд был к нему, Матюшке, и хлеб, де, у него имывали, а давали ему зипунишка или что доведетца, да Федька сказал, что ему продал три лошади и на Иванове розбою Бегичева он с ними был». В допросе Матюшка Рубчонок «пытан и огнем жжон, и с пытки и с огня на себя и на брата своего, на Федьку, в приездех говорил, и рухлядь, де, всякую, и брату ево Иванова розбою Бегичева привозили, и у Федьки Кисляка выменил две лошади за чистое»²⁷.

Разбойничество в России в XVII в. проявлялось во всех регионах, особенно в местах оживленного сухопутного и речного движения. В нашем распоряжении находится розыскное дело о речных разбойниках конца XVII в. из архива Нижегородской съезжей (воеводской, приказной) избы²⁸.

Некоторые документы в деле можно выделить в особые группы, например, две отписки воеводы о ходе розыска по делу в Новгородский приказ (причем первая отписка с уведомлением о том, что такая же отписка послана в приказ Сыскных дел — бывший Разбойный приказ)²⁹, челобитные разных лиц, имеющих отношение к розбою³⁰, распросные речи разбойников и лиц, взятых вместе с ними³¹, росписи денег и «животов» торговых людей, бывших на «розбитом» судне и пострадавших от разбойников³². Другие материалы дела состоят из записей действий приказных людей по поимке разбойников и «выимке» поличного, из росписей поличного, из извета тюремных целовальников на тюремного сидельца и некоторых других документов, а также из бумаг, имеющих косвенное отношение к делу.

Из челобитья начальствующих лиц Троице-Сергиева монастыря — архимандрита Викентия, келаря Прохора и казначея Игнатия — устанавливается, что это дело «велено было розыскивать на Москве в Стрелецком приказе», но по челобитьям пострадавших (истцов) «дело велено розыскивать в Нижнем Новгороде стольнику и воеводе князю Василию Кропоткину, и воевода в том деле истцам дружит и на ваше государское богомолье и дом Живоначальные Троице-Сергиев посягает и монастырским нашим крестьянишкам, которые к тому делу неприличны [непричастны. — М. Б.], чинит великие убытки напрасно...». Власти монастыря просили дело взять из Нижнего Новгорода в Москву в Новгородский или Сыскной приказ³³. По этому челобитью дело было взято в Новгородский приказ 10 января 1687 г. В своей отписке воевода сообщил, что «дело к Москве послали с Гостиной сотни с Яковом Луховляниновым, который живет в Нижнем, а разбойники [три человека и «оговорной»

человек. — М. Б.] сидят в Нижнем, а не посланы для того, что под них челобитчики (истцы) подвод не дали»³⁴.

Из перечня документов дела, оставшихся в Нижегородской съезжей избе (в Новгородский приказ были направлены подлинники документов), видно, что они были в списках и черновиках, все перемешаны, неупорядочены. Тем не менее, их анализ дает представление об организации и действиях разбойничьей шайки на Волге и Оке под Нижним Новгородом в конце XVII в.

После восстановления института губных изб с губными старостами, снова ставшими ведать уголовными делами на местах, пострадавшие от татей и разбойников по привычке все равно обращались к воеводам, тем более что они для розыска и поимки преступников выделяли своих подчиненных — приказных и служилых людей³⁵.

В нашем случае розыскные действия воевода начал сразу же после словесного челобитья о разбое судна под Балахной торгового человека Гостиной сотни Степана Михайлова сына Болотова, который явился в нижегородскую съезжую избу 28 апреля 1686 г. и сказал: «в нынешнем во 194 году апреля в 26 день поехал было он, Степан, из Нижнего с продажным товаром в Ярославль, да с ним же, де, поехали [далее он перечисляет имена торговых людей — своих попутчиков, называя при этом только четырех из них, хотя с ним, как выясняется, было пять попутчиков; одного он просто забыл назвать. — М. Б.] с продажным же товаром и з деньгами в одной лотке, и апреля, де, в 27 день часу в четвергом дни, как они будут, не доехав Городца [село выше г. Балахны. — М. Б.] версты в две, наехали на них воровские незнакомые люди человек с десять и больше, и их, де, Степана с товарищи ограбили без остатку, и лотку, де, их изрубили и, ограбя, де, те воровские люди и перевязав их сами побежали на низ мимо города Балахны, да они же, воровские люди, покинули у них рухляди своей сарафаны, шубы, кафтаны все ветхие» [эта рухлядь была награблена в других разбоях. — М. Б.]. Степан Болотов просил «челобитье его записать, а ту воровскую рухлядь в съезжую избу принять, а в Нижнем Новгороде на стоялые двory для осмотра и опознания притчинных людей послать, кого великие государи укажут, а что каково товару и денег у них взято и тому, де, они принесут исковые челобитные»³⁶.

По приказу воеводы В. И. Кропоткина и дьяка Артемья Степанова в тот же день 28 апреля у Степана Болотова «в съезжую избу воровская рухлядь принята, а на стоялые двory для сыску притчинных людей и опознания поличного посылан съезжей избы подьячей Петр Иванов с истцом Степаном Болотовым да с тремя приставами Устинкою Ивановым, Савкою Ростопчиным и Андрюшкою Кашинцовым, и подьячий и приставы привели в съезжую избу трех человек, да на одном человеке поличного: сапоги зеленые кривые, да рубаха мужская, шита золотом, да денег 85 рублей с полтиною, да жемчюгу мелково 19 золотников, да крупного 22 зерна, цепочку женскую серебряную, четыре перстинишка, два креста, серги на тульское дело серебряные, а то, де, поличные опознал истец Степан Болотов, а взяли они тех людей в Нижнем на стоялом дворе у нижегородца у посадского человека у Ивашки Тимофеева сына, прозвище Шульгина»³⁷.

Приведенные люди в тот же день в съезжей избе были «приняты и ропрашиваны порознь, а один, на котором опознано поличное, пытан, а в ропросе и в пытке сказался родиною казанец, солдат Федорова полку Зеленого, Микиткою зовут Игнатьев[ым], а живет, де, он в Казане, Микитина приказу Ступищина у стрелца у Ивашки Филатова сына колашника в соседях; и в нынешнем, де, 194 году перед Рождеством Христовым [то есть зимой 1685 г. — М. Б.] вскоре сошел он ис Казани к Москве, и на Москве, де, жил, переходя на стоялых дворах, кормился портным мастерством; а тому ныне недели з две [то есть 14 апреля. — М. Б.] на Москве на Яузском устье собрався он, Микитка, с товарищи з гулящими людьми, всех 13 человек [далее он называет только четырех сообщников — членов шайки по именам и дает их приметы. — М. Б.], а иные имен себе и отчеств и коих городов не сказывались, промеж себя таились; а збирал, де, их и атаманом был москвич Васька Иванов, а собрався, купя лотку на Москве и поехали на низ для воровства, где кого б розбить; и тому, де, ныне дней с пяти [то есть 23 апреля 1686 г. — М. Б.] не пристава в Нижнем, проехали они Волгу и выше Городца, а ниже Васильева розбили в лотке незнатных людей, ехали з женами, а разбоем, де, имали шубы нагольные бараньи и под крашенинами, и кафтаны сермяжные, да сарафаны красные кумачные, всех было портищ десять и больши, а иного, де, ничего не было; а розбив, де, тех людей, съехали они ниже Городца, не доехав Балахны, и пристали в затон, для того, чтобы кого изождав, розбить; и вчерашнего числа часу в четвертом дни ехали вверх в лотке с товаром торговые люди и наехали на мель, которые ево, Микитку, опознали, и тех, де, людей они розбили, а разбоем, де, они у них имали деньги, и платье, и шелк без остатку; а что денег по счету, и платья, и шелку, того он сказать не знает, только, де, ему досталось денег и платья, что с ним принесено, что у него, Микитки, взято, а больше того жемчугу ничего не было, и тот, де, жемчуг скупил он у товарищев своих весь, дал 40 рублей; и розбив да и изрубя у тех торговых людей лотку, перевязав их, съехали они выше Нижнего, и ниже села Копосова в полдень вышед из лотки на берег, побравши рухлядь всю, покиня лотку, пошли в лес, и ту рухлядь и деньги разделя по паям, товарищи ево пошли все в рознь, а куды пошли и где ныне не знает; а он, де, Микитка, дождавсья ночи, пришел на Кунавинский перевоз, переехал на Горную сторону и ночевал за Благовещенским монастырем во рву, и сего, де, числа по утру рано пришел и в Нижнем спросил на стоялый двор, где ево, Микитку, взяли; а которую, де, рухлядь объявил Степан Болотов в съезжей избе и ту, де, рухлядь побросали они, Микитка с товарищи, а взяли они ту рухлядь на разбое же, как розбивали первую лотку выше Городца; а которые, де, два человека с ним взяты на стоялом дворе и тех, де, людей он не знает, и они с Микиткой на разбое не были; да он же, Микитка, сказал, того же, де, разбою спрятано у него мешок с шелком на Кунавинской стороне за Окою в лесу в угольной яме; и у Нижнего, де, хотел, купя лошадь, ехать попржежнему в Казань, а больше того воровства он, Микитка, ни в чем не винился»³⁸. После пересказа пыточных речей разбойника в документе отмечено, что «на пытке было ему, Микитке, 16 ударов, 3 встряски и клещами зжен». «Встряска» — это когда пытаемого за связанные сзади руки подвешивали на

перекладине-дыбе и в таком состоянии били по спине и ребрам кнутом и рвали тело раскаленными клещами. Однако даже такие жестокие пытки не всегда приводили к исчерпывающим результатам — преступники все равно что-то скрывали и не говорили всей правды.

Оперативность розыскной работы подчиненных воеводы объяснялась, конечно, тем, что пострадавшие (истцы), состоятельные торговые люди, не скупились на «почести» и «поминки» для воеводы за быстроту и успешность розыска разбойников и пограбленного у них имущества.

Два других разбойника, участвовавших в нападении на судно Степана Болотова, были пойманы в Юркинском кабаке под Нижним Новгородом. Одного из них, Якушку Коржавина, опознал кабацкий целовальник, нижегородский посадский человек Борис Белобородов, который в 1685 г. «вололся Волгою на Макарьевскую ярманку и его розбивал вор и разбойник тот Якушка Коржавин с товарищи»³⁹.

На основе снятых показаний был выявлен численный состав разбойничьей шайки и определено количество совершенных ею преступлений. Разбой совершался в течение недели — с 19 по 26 апреля 1686 г. Маршрут рейса шайки выглядел следующим образом. Из Москвы 14 апреля они поплыли вниз по течению по Москве-реке, затем Окою и далее вверх Волгою, минуя Нижний Новгород, до Балахны. Речным транспортом шайке Васьки Иванова служила большая плоскодонная гребно-парусная лодка, купленная ими в Москве на Яузском устье, вместимостью более 16 чел. и грузоподъемностью до 500 пудов, не уступающая по размерам малому стругу⁴⁰.

Последовательность разбоев шайки выглядела так. Сначала, со слов Якушки Коржавина, они «в Оке ниже села Избылицы розбили в лотке незнанных людей, а разбоем взяли только денег 40 алтын да полукафтанье китаешное синее и, не приставая, де, в Нижнем, проехали Волгу, и за Городцом розбили в деревне крестьянина по подводу товарища их Стеньки, который сказывался из Васильева слободки, а разбоем, де, имали шубы бараньи нагольные да сарафаны кумачные красные...»⁴¹. Далее, по словам Микитки Игнатьева, «выше Городца и ниже Васильева розбили в лотке незнанных людей», а затем выше Балахны они ограбили судно Степана Болотова. Последний разбой стал самым удачным.

Груженные товаром струги нередко подвергались нападениям волжских разбойников, причем на протяжении всего XVII в. На Волге разбойничали не только донские казаки, но и шайки «гулящих людей», сформированные в крупных городах — в Москве, Нижнем Новгороде, Казани и др. Эти шайки речных разбойников грабили не только частных собственников, но и казенные струги с государевым запасом (хлебом, солью, рыбой, медом и т. д.) и с государственной казной. Поэтому для охраны государственной казны при ее перевозке в Москву приставлялись ратные люди. Так, в 1622 г. нижегородскую кабацкую и таможенную казну, запечатанную таможенным головой Смирным Судовщиковым и кабацким головой Абрамом Емельяновым «за их печатьми», сопровождали в Москву для сдачи в Новгородскую четверть 31 стрелец и два целовальника «для счёту денег»⁴².

У хозяина судна Степана Болотова разбойники по росписи пограбили денег 166 руб. и «разной товарной рухляди» — одежды, обуви, драгоценных украшений, оружия, бытовых вещей (подушка пуховая, полотенца дырчатые, сушки переметные, «борощен хозовый» — отрезок, кусок выделанной козливой кожи, сафьяна, чашка и чернильница медные, святцы печатные в досках; бумажник, а в нем было новгородского торгу три выписки таможенные, по нашему подсчету, на сумму в 79 руб. 3 алт. 4 д.). Предметы одежды и обуви оценивались на сумму свыше 60 руб.⁴³

У торгового крестьянина Борисоглебской слободы Ярославского уезда Егора Матвеева сына Житникова грабители «розбоем взяли» денег 983 руб. 18 алт. 4 д. и разного товара на 112,5 руб., причем самым дорогим товаром был шелк цветной, «95 анцыров по 30 алтын анцир», то есть на 85,5 руб. Кроме цветного шелка — персидского товара, доставляемого в Нижний Новгород из Астрахани, у этого торговца был еще воск в кругах, дорогая одежда, драгоценные украшения и оружие, в числе которого упомянуты «два лука да стрел два колчана» (видимо, это старинное оружие здесь выступает как качество товара, а не как средство самообороны). Еще у него отмечена лодка, которую грабители «разбили», очевидно, порубив ее саблями и топорами⁴⁴.

У торгового крестьянина Нижегородского Благовещенского Печерского монастыря Андрея Матвеева сына Орешникова было пограблено денег 675 руб. и товарной рухляди на 74 руб. 23 алт., из которой самым дорогим товаром был шелк цветной стоимостью 58 руб. 16 алт. 4 д. и оружие (пищали и бердыш)⁴⁵.

У торгового бобыля того же Благовещенского Печерского монастыря Матвея Васильева сына Старицына (его товары вез приказчик Яков Алексеев) разбойники взяли 502 руб. 3 алт. 2 д. и разного товара на 280 руб. Самым дорогим товаром у него был, очевидно, персидский жемчуг, мелкий и крупный, на 239 руб. 25 алт. 5 д. Из остальных товаров названы дорогая одежда и драгоценные вещи, среди которых «нож черенры без зуб [то есть рукоятка ножа гладкая. — М. Б.], жуки серебряные золочены с чернью и ножны хозовые (сафьяновые) зеленые, шиты золотом»⁴⁶.

У торгового посадского человека, романовца (из города Романов на Волге) Тимофея Григорьева сына Трусова разбойники взяли денег 327 руб. 30 алт. 2 д., кафтаны, рубахи, портки, пояс шелковый и перстень с «финисою» [очевидно, с финифтью]⁴⁷.

Из «росписей» видно, что торговые люди в Нижний Новгород привозили на продажу товары из разных городов: Ярославля, Романова на Волге, Великого Новгорода и закупали там иноземный товар, при этом можно отметить и наличие товарной специализации. С учетом нападений речных разбойников такая торговая деятельность имела высокие риски.

Всего разбойники шайки Васьки Иванова, напавшие на судно Степана Болотова с товарищами, «взяли грабежом» у них денег 2556 руб. и при разделе каждому из 13 разбойников досталось по 196 руб. Награбленную «рухлядь» стоимостью более 572 руб. они также поделили, но каждый сам принимал решение, как и куда ее пристроить.

Конечно, кроме профессиональных разбойничьих шаек разбой совершали и группы непрофессиональных грабителей-дилетантов во главе с детьми боярскими или служилыми приборными людьми. Они принуждали на это своих крестьян, а приборные служилые люди подговаривали своих родственников и товарищей. Эти преступные акции впервые совершались из-за жадности, «по пьяному делу» или из «озорства-молодечества». Приведем несколько примеров.

Из служилых приборных людей, спонтанно пошедших на разбой и грабеж ввиду легкости этого дела, назовем воронежских казаков Деметрия Данщина и Василия Казакова, которые летом 1625 г. напали на крестьянина села Студеного Лебедянского уезда Григория Побежинова, ехавшего с рыбой с рыбной ловли из своих откупных воронежских ухожей — Батюцкого и Серецкого, отданных ему в откуп за 54 руб. 4,5 д. в год.

Как писал откупщик в своей челобитной, казаки, «устерегши его на дороге, били его и грабили, и взяли грабежом рыбы 103 сазана, да щук и лещей и всякой рыбы 10 возов, да денег 40 р., да 25 куниц, да 25 лисиц, да котел путной». Пострадавший просил «о том грабеже указ учинить», то есть провести расследование и наказать виновных⁴⁸. Интересно, что один из этих казаков-грабителей, Демка Даншин, был состоятельным человеком. Он в 1628 г. давал займы «бескабально» 30 руб. воронежскому стрельцу Миките Ускову, а также занимался свиноводством: «у него на подворье было 20 свиней супорослых и хряк»⁴⁹.

Эти казаки не были, конечно, профессиональными преступниками — «ведомыми лихими людьми» и ограбили крестьянина «по случаю», позарившись на доступную добычу. При разбирательстве дела по челобитью истца это обстоятельство, конечно, учитывалось и виновные подвергались соответствующему наказанию как за «малую вину». По более позднему закону — «Указу о наказаниях татей и разбойников» 1637 г. такого рода преступники подвергались «пятнанию» (клеймению): раскаленным железом у них на щеках и на лбу выжигались три буквы: «р», «з», «б», после чего они выдавались на поруки⁵⁰.

В 1641 г. воронежские дети боярские Калистрат и Федор Корчагины напали на воронежца посадского человека Федьку Кулешова, когда он ехал со своими людьми по дороге на Воронеж «из-за Донья» с покупным медом и хмелем. Он избили и ограбили его, взяв 150 руб. денег, 35 пудов меду стоимостью в 27,5 руб., двух мерингов (16 руб.), две телеги и два хомута (3 руб.), пищаль (4 руб.) и другую «рухлядь», всего на 209 руб.⁵¹

Таким образом, в представленном материале показана возможность выявления дополнительных сведений о торговле в России в XVII в. на основе информации, содержащейся в документах по разбойным делам. Обращение к подобным источникам позволяет показать характер рисков, с которыми приходилось справляться участникам торговых операций в XVII столетии.

Примечания

¹ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года: Учеб. пособие для высш. шк. М., 1961. С. 67–431; Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 223.

² *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907. С. 229.

³ *Шалфеев Н. П.* Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868; *Носов Н. Е.* Уставная книга Разбойного приказа // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 14. Л., 1983. С. 25–40.

⁴ *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула. 2009. С. 172.

⁵ *Воробьев А. В.* Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI — первой половины XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 4.

⁶ *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 15–27.

⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 20. 1627 г. Л. 394.

⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 105. С. 301–302.

⁹ Там же. № 431. С. 774–800.

¹⁰ Там же. Т. 2. СПб., 1830. № 1004. С. 516.

¹¹ См. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 137–138. (М. Грязев был назначен в Устюжскую четверть с 1 марта 1644 г., но денежный оклад 120 руб. шел ему из этой четверти с 1638 г.).

¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 789. Л. 7–8.

¹³ Там же. Л. 8–9.

¹⁴ Там же. Л. 10–14.

¹⁵ Там же. Л. 15–45.

¹⁶ *Воробьев А. В.* Делопроизводство Разбойного приказа... С. 19.

¹⁷ *Калачов Н. В.* Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 16.

¹⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 789. Л. 38. (Чернавский (Челнавский) острог — пригород г. Козлова).

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 26.

²¹ Там же. Л. 37–38.

²² Там же. Л. 18.

²³ Там же. Л. 22.

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ *Раздорский А. И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011. С. 27.

²⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 789. Л. 30.

²⁷ Там же. Л. 33.

²⁸ Там же. Д. 755. Л. 1–163. Дело без конца, тексты некоторых документов обрываются.

²⁹ Там же. Л. 1–3, 61.

³⁰ Там же. Л. 20, 46, 49, 51, 56, 85, 87, 106, 109.

³¹ Там же. Л. 63–84.

³² Там же. Л. 70–75.

³³ Там же. Л. 46.

³⁴ Там же. Л. 61.

³⁵ *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 476.

³⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 755. Л. 63.

³⁷ Там же. Л. 63.

³⁸ Там же. Л. 64–65.

³⁹ Там же. Л. 51.

⁴⁰ *Кузнецов В. П.* Речные деревянные суда. Л., 1956. С. 26.

⁴¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 755. Л. 81.

⁴² Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 17. Л. 384.

⁴³ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 755. Л. 70.

⁴⁴ Там же. Л. 73.

⁴⁵ Там же. Л. 72.

⁴⁶ Там же. Л. 74.

⁴⁷ Там же. Л. 72.

⁴⁸ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Кн. 3. Воронеж, 1853. № ХСVII. С. 13–15.

⁴⁹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 1. Воронеж, 1887. № 10. С. 14.

⁵⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер. Л., 1986. С. 178.

⁵¹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 1. № 20. С. 25.

А. И. Раздорский

**ПРИБОРЫ И НЕДОБОРЫ
ТАМОЖЕННЫХ И ПИТЕЙНЫХ ДОХОДОВ
В ГОРОДАХ ЮГА И ЗАПАДА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVII в.**

(по материалам приходо-расходных книг московских приказов)

В сборнике материалов Третьей международной научной конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.», вышедшем в свет в 2015 г., опубликована наша статья, в которой подробным образом рассмотрены размеры и динамика таможенных и кабацких окладов и сборов в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске в XVII в.¹ В настоящей статье², логически продолжающей предыдущую, проанализированы действия властей в случаях, когда в указанных городах баланс таможенного и кабацкого сбора оказывался относительно оклада положительным (прибор) или отрицательным (недотор). Источниками исследования являлись приходо-расходные книги (далее — ПРК) трех центральных приказов — Разрядного, Посольского и Устюжской четверти.

Недоторы в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске со второй половины 1610-х гг. и до начала 1680-х гг. встречались в целом чаще, чем приборы. По Курску приборы отмечены за 15 лет, в то время как недоторы за 21 год. В 13 случаях курские таможня и кабаки находились на откупе и откупные суммы были внесены в казну в полном размере (еще в двух случаях они были выплачены откупщиками не полностью). По Белгороду приборы зафиксированы только за 9 лет, недоторы же — за 30 лет, еще в 9 случаях таможенные и кабацкие сборы были здесь на откупе. По Можайску с 1618/19 по 1665/66 г. таможенные и кабацкие приборы отмечены за 14 лет, а недоторы — за 21 год (откуп — в 5 случаях и в 1 случае — откупная недоплата). За 14 лет —